

Региональная специфика личности взяткодателя: опыт социологического анализа

Р. Р. Агишев[✉], О. Н. Баринова, И. В. Манаева

Научный центр социально-экономического мониторинга, Саранск, Россия

[✉]agishev2019@gmail.com

Введение. Дается социологический анализ личности взяткодателя на основе изучения данных по Республике Мордовия. Актуальность вопроса обусловлена следующими факторами: усиление негативного влияния коррупции на все стороны жизни общества и государства; социальная мимикрия коррупции; устойчивость представлений в социуме об амбивалентности коррупции. Цель статьи – выделить региональную специфику личности взяткодателя.

Методология и источники. Неоклассическая парадигма изучения коррупции увязывает коррупционные явления с разложением государственного аппарата и разъединением нравственных устоев общества. Авторы в этом ключе исследуют двоякую сущность коррупции, т. е. ее обусловленность и властью, и социумом. В контексте теории аномии Дюркгейма анализируется мотивационный комплекс взяткодателей.

Результаты и обсуждение. Задачи исследования потребовали проведения массового опроса ($n = 400$, $\Delta \pm 5\%$), которое репрезентировало состав населения региона по полу, возрасту, роду деятельности и типу населенного пункта. В рамках исследования проведено качественно-количественное описание коррупционного поведения взяткодателя, выявлен его мотивационный комплекс, выявлена его субъективная оценка динамики коррупции и эффективности антикоррупционной политики. Выявлены следующие региональные особенности личности взяткодателя: возраст наивысшей экономической и социальной лабильности, средний уровень коррупционной активности, низкий размер средней суммы взятки, выступление в качестве инициатора коррупционной взятки, восприятие взятки как рационального средства решения проблем, выраженный негативизм при оценке власти.

Заключение. Участие в коррупционных сделках накладывает на личность взяткодателя в той или иной степени выраженный отпечаток, заключающийся в деформации практик взаимоотношений с представителями государственных органов, постепенной утрате иммунитета к криминальной или полукриминальной деятельности, частичной деградации социально значимых морально-нравственных ценностей, превращении коррупционных практик из социальной аномии в социальную норму.

Ключевые слова: коррупция, взяткодатель, коррупционные практики, коррупционный стандарт, взятка.

Для цитирования: Агишев Р. Р., Баринова О. Н., Манаева И. В. Региональная специфика личности взяткодателя: опыт социологического анализа // ДИСКУРС. 2021. Т. 7, № 5. С. 86–97. DOI: 10.32603/2412-8562-2021-7-5-86-97

Конфликт интересов. О конфликте интересов, связанном с данной публикацией, не сообщалось.

Поступила 15.06.2021; принята после рецензирования 20.09.2021; опубликована онлайн 24.11.2021

© Агишев Р. Р., Баринова О. Н., Манаева И. В., 2021

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Regional Specificity of the Personality of the Bribe-Giver: the Experience of Sociological Analysis

Ruslan R. Agishev[✉], Olga N. Barinova, Irina V. Manaeva

Scientific center of socially economic sciences, Saransk, Russia

[✉]agishev2019@gmail.com

Introduction. A sociological analysis of the personality of the bribe-giver is given based on the study of data on the Republic of Mordovia. The relevance of the issue is determined by the following factors: the strengthening of the negative impact of corruption on all aspects of society and the state; the social mimicry of corruption, the stability of ideas in society about the ambivalence of corruption. The purpose of the article is to highlight the regional specifics of the identity of the bribe-giver.

Methodology and sources. The neoclassical paradigm of the study of corruption links corruption phenomena with the decomposition of the state apparatus and the erosion of the moral foundations of society. In this vein, the authors explore the dual nature of corruption, that is, its conditionality by both the government and society. In the context of Durkheim's anomie theory, the motivational complex of bribe-takers is analyzed.

Results and discussion. The objectives of the study required a mass survey ($n = 400$, $\Delta \pm 5\%$), which represented the composition of the population of the region by gender, age, type of activity and type of locality. Within the framework of the study, a qualitative and quantitative description of the corrupt behavior of the bribe-giver was carried out, his motivational complex was revealed, and his subjective assessment of the dynamics of corruption and the effectiveness of anti-corruption policy was revealed. The following regional features of the personality of the bribe-giver are revealed: the age of the highest economic and social lability, the average level of corruption activity, the low size of the average amount of a bribe, acting as the initiator of a corrupt bribe, the perception of a bribe as a rational means of solving problems, pronounced negativism in assessing the authorities.

Conclusion. Participation in corrupt transactions imposes a more or less pronounced imprint on the personality of the bribe-giver, which consists in the deformation of the practices of relations with representatives of state bodies, the gradual loss of immunity to criminal or semi-criminal activities, the partial degradation of socially significant moral values, the transformation of corrupt practices from a social anomie to a social norm.

Key words: corruption, bribe-giver, corrupt practices, corruption standard, bribe.

For citation: Agishev R. R., Barinova O. N., Manaeva I. V. Regional Specificity of the Personality of the Bribe-Giver: the Experience of Sociological Analysis. DISCOURSE. 2021, vol. 7, no. 5, pp. 86–97. DOI: 10.32603/2412-8562-2021-7-5-86-97 (Russia).

Conflict of interest. No conflicts of interest related to this publication were reported.

Received 15.06.2021; adopted after review 20.09.2021; published online 24.11.2021

Введение. Серьезный вызов для социально-экономической и политической стабильности российского общества и государства представляют многочисленные негативные проявления коррупции. Это ее социальная мимикрия, т. е. способность к гибкому «встраиванию в механизмы государственного регулирования как неконституционный рычаг власти» [1, с. 8]; нарастающая корпоративизация коррупционных явлений [2, с. 443]; формирующийся феномен сетевой коррупции [3, с. 204]; устойчивость в социуме представлений об амбивалентности функций коррупции [4, с. 180] и т. д.

В изучении коррупционной проблематики, особенно коррупционного поведения взяточника, наметился устойчивый перекос исследовательского внимания к фигуре взяточника, что объективно обусловлено особым правовым статусом берущего взятку лица и общественной опасностью его действий. Личность взяточника, напротив, не находит столь же комплексного отражения в научной литературе. Существенная часть работ в данном контексте посвящена криминологической характеристике портрета взяточника [5–7]. Практически отсутствуют примеры социологического анализа личности взяточника в условиях региональной специфики. Учитывая влияние социально-экономических факторов на специфическое развитие коррупции в субъектах Российской Федерации [8, с. 214], региональный аспект актуализирует обращение к местным коррупционным и околокоррупционным практикам.

В данной статье личность взяточника и особенности его коррупционного поведения рассматриваются в рамках неоклассической парадигмы изучения коррупции, увязывающей коррупционные явления с разложением государственного аппарата и разъеданием нравственных устоев общества [9, с. 7]. В состоянии социальной дезорганизации общества коррупционные явления представляют собой не индивидуальную девиацию конкретных лиц – взяточников и взяточников, а проявление дисфункции социальной системы. Коррупционное поведение в этих условиях легитимируется в сознании социума, что в свою очередь обуславливает хабитуализацию коррупционных практик и их дальнейшее встраивание в социальное взаимодействие. Происходящие процессы, в частности состояние и изменение мотивационного комплекса, описываются в рамках теории аномии Э. Дюркгейма, определяющей преступную девиацию следствием разрушения социальных норм и нарушения коллективного порядка [10, с. 39].

Коррупционные проявления и их дальнейшая эволюция в этом контексте выступали следствием серьезных кризисов в обществе и государстве, имеющих как экономический, так и социальный характер. Двоякая сущность коррупции, как нарушающее морально-этические и правовые нормы поведение двух сторон – взяточника и взяточника, ведет к распределению ответственности за деструктивные процессы в государстве на власть и социум [11, с. 77]. В связи с этим личность взяточника в регионе, выступающая одновременно и продуктом, и создателем специфического коррупционного поведения, представляет особый интерес. В рамках данной исследовательской модели под личностью взяточника понимается совокупность социально значимых свойств и качеств индивида, обуславливающих использование им для достижения своих целей незаконных средств.

Методология и источники. Для изучения фигуры взяточника региона использовались результаты массового социологического исследования «Оценка уровня коррупции в Республике Мордовия» в 2020 г., проведенного Государственным казенным учреждением Республики Мордовия «Научный центр социально-экономического мониторинга». Отбор респондентов осуществлялся в соответствии с квотами по полу, возрасту, роду деятельности и типу населенного пункта ($n = 400$, $\Delta \pm 5\%$). В рамках исследования проведено качественно-количественное описание коррупционного поведения взяточника, выявлены его мотивационный комплекс, его субъективная оценка динамики коррупции и эффективности антикоррупционной политики. Гипотезой исследования выступает предположение о том, что факт участия в коррупционных взаимоотношениях определяется явными или неявными особенностями личности взяточника.

Результаты и обсуждение.

Социально-демографические характеристики. Взяткодателем является каждый пятый респондент (21,3 %). Динамика показателя по сравнению с предыдущими годами несущественная и не превышает пределов статистической погрешности (2019 г. – 24,8 %, 2018 г. – 20,3 %, 2017 г. – 21,4 %, 2016 г. – 21,6 %).

Взяткодатель, как правило, представитель молодежи или среднего возраста. С возрастом его коррупционная активность снижается (до 30 лет – 28,8 %, от 31 до 50 лет – 23,6 %, 51 год и старше – 16,2 %). В той или иной степени указанная закономерность была выражена в предыдущие годы социологических замеров. Например, в 2017 г. среди респондентов, дававших взятку, насчитывалось 33,3 % молодежи, 23,0 % людей среднего возраста и 15,0 % людей старшего возраста (2017 г., $n = 384$, $\Delta \pm 5\%$) (табл. 1). Большее число коррупционных связей, особенно образуемых респондентами молодого возраста, предположительно объясняется не только их повышенной экономической активностью, но и особым характером их мотивационного комплекса (сверхпрагматизм, экономическая детерминированность жизненных целей, допустимость девиантного поведения и т. д.) [12, с. 17]).

Таблица 1. Возрастная специфика взяткодателей
Table 1. Age-specific characteristics of bribe-takers

Возраст	Количество взяткодателей, %			
	2017	2018	2019	2020
От 18 до 29 лет	33,3	21,4	25,0	28,8
От 30 до 49 лет	23,0	22,0	27,7	23,6
От 50 лет	15,0	18,4	21,9	16,2

Взяткодатель чаще проживает в городской местности (давал взятку каждый четвертый (26,3 %) респондент-городжанин), чем в сельской (11,2 %). Наиболее высокий уровень коррупционной активности (доля граждан, дававших взятку) отмечается в столице региона и городах республиканского подчинения. Аналогичная ситуация в регионе четко фиксировалась и в 2015–2019 гг. Повышенная коррупционная активность жителей городской местности может быть обусловлена несколькими факторами. Во-первых, трансформация в городских сообществах ценностей и норм определяет низкий адаптивный потенциал к противодействию коррупции [13, с. 9]. Во-вторых, концентрация в городской местности значительного числа объектов социальной, экономической и управленческой инфраструктуры формирует существенно большее потенциальное поле для коррупции [14, с. 15].

Мужчины (27,6 %) почти в два раза чаще, чем женщины (15,9 %), вступали в коррупционные взаимоотношения. Взяткодатели-мужчины преобладают в таких сферах, как регулирование ситуаций с ГИБДД, обращение в полицию, оформление земли и жилплощади, взяткодатели-женщины – в сфере получения бесплатной медицинской помощи и образования. Вывод о том, что мужчины больше подвержены риску попадания в коррупционную ситуацию, характерен и для ряда других регионов [15, с. 46].

Особенности коррупционного поведения. Коррупционная активность взяткодателя региона приходится на среднесрочную перспективу: 3/4 взяткодателей (72,5 %) материально стимулировали государственных служащих в период от 10 дней до 1 года назад. Регулярные коррупционные сделки (в течение последней недели) осуществляли 4,1 % респондентов, а эпизодические (больше года назад) – 23,4 %.

Наибольший объем коррупционных сделок наблюдается в таких сферах, как здравоохранение (35,7 %), урегулирование ситуаций с ГИБДД (12,7 %) и образование (12,1 %) (рис. 1), что фиксировалось и в предыдущие годы исследований. В остальных случаях давали взятки менее 5 % респондентов. Для выделенных сфер характерна также наиболее высокая доля совершаемых регулярных коррупционных сделок. Если в сферах здравоохранения, образования и урегулирования ситуаций с ГИБДД 4–6 % респондентов давали взятку два и более раз, то в остальных сферах (оформление пенсии, получение паспорта, ремонт жилой площади, регистрация сделок с недвижимостью и т. д.) – не более 0,5 %.

Рис. 1. Сфера коррупционного взаимодействия
Fig. 1. Areas of corruption interaction

Около половины всех взяток (46,8 %), которые были переданы респондентами в рамках коррупционных сделок, составляют сумму от 3 до 5 тыс. р. Длительные мониторинговые исследования показывают, что взятки в размере 3–5 тыс. р. являются на протяжении всего периода социологических исследований феномена коррупции наиболее представленными в регионе. Последнее позволяет говорить о формировании регионального коррупционного стандарта – суммы взятки, посредством которой возможно решение большей части возникающих вопросов. Размер коррупционного стандарта в 3–5 тыс. р. предположительно обусловлен негативной социально-экономической ситуацией в регионе (низкий уровень доходов основной части населения, стагнация традиционных отраслей региона, отток экономически активного населения), формирующей характерный запрос на относительно дешевые коррупционные услуги.

Мотивационный комплекс. В большинстве случаев инициатором возникновения коррупционной ситуации выступал сам респондент. Он давал взятку либо из-за существующего негативного опыта («Если заранее известно, что без взятки не обойтись») (39,8 %), либо вследствие сложившегося порядка вещей («Если не настаивают на взятках, но их дают, так надежнее») (24,4 %). Только треть респондентов причиной коррупционной ситуации посчитала вымогательство чиновника (35,8 %).

Для оценки мотивов антикоррупционного поведения респондентам задавали вопрос «По какой причине Вы не стали бы давать взятку?». Социально одобряемыми мотивами антикоррупционного поведения руководствовались 38,3 % опрошенных («Противно это делать», «Принципиально не даю взяток» и «Могу добиться своего без взяток»). Примерно столько же (38,2 %) респондентов указали на мотивы, говорящие о потенциальной готовности вступить в коррупционные отношения («Нет денег на взятку», «Не знаю, как это делать» и «Боюсь, что поймают»).

Наиболее значимыми результатами взятки, по мнению респондентов, выступают: ускорение решения проблемы (30,4 %) и минимизация трудностей при решении проблемы (19,6 %). Каждый десятый взяткодатель указал на качественное решение проблемы (10,9 %).

Оценка коррумпированности органов власти и эффективности борьбы с коррупцией. Наиболее коррумпированы, по мнению взяткодателей, правоохранительные органы (71,8 %), СМИ (71,8 %) и ГИБДД (70,6 %), наименее – правозащитные организации (28,2 %) и организации по охране природы (27,1 %) (рис. 2).

Рис. 2. Рейтинг коррумпированности органов власти, организаций и учреждений по оценке респондентов, дававших и не дававших взятку

Fig. 2. Rating of corruption of government bodies, organizations and institutions according to the respondents who gave and did not give a bribe

Сравнивая оценки коррумпированности органов власти и организаций респондентов, дававших и не дававших взятки, заметим следующее: взяткодатели в среднем гораздо чаще (в 2–2,5 раза) высказывают мнение о коррумпированности органов власти и организаций (рис. 2). Можно предположить, что обладание коррупционным опытом формирует

большую убежденность в коррумированности всего спектра органов власти и организаций. Эффект влияния факта участия в коррупционных сделках на мнение респондентов по самому широкому кругу вопросов отмечался некоторыми исследователями [4, с. 175].

Преобладающий негативизм восприятия взяткодателя прослеживается также при оценке респондентами коррумированности уровней власти и эффективности борьбы с коррупцией.

Взяткодатели, в отличие от не дававших взятки респондентов, указывают чаще на увеличение и реже – на уменьшение количества случаев коррупции в поселении, регионе и стране (табл. 2).

Таблица 2. Оценка респондентами изменения уровня коррупции в поселении, регионе и стране
Table 2. Respondents' assessment of changes in the level of corruption in the settlement, region and country

Вопрос	Вариант ответа	Количество ответивших, %	
		Не давал взятку	Давал взятку
Как Вы думаете, изменилось ли количество случаев коррупции в вашем поселении?	Стало больше	8,3	21,2
	Ничего не изменилось	37,9	43,5
	Стало меньше	15,3	8,2
	Затрудняюсь ответить	38,5	27,1
Как Вы думаете, изменилось ли количество случаев коррупции в регионе?	Стало больше	14,0	24,7
	Ничего не изменилось	34,1	42,4
	Стало меньше	14,6	5,9
	Затрудняюсь ответить	37,3	27,1
Как Вы думаете, изменилось ли количество случаев коррупции в стране?	Стало больше	21,8	41,2
	Ничего не изменилось	34,3	37,6
	Стало меньше	10,9	4,7
	Затрудняюсь ответить	33,0	16,5

Взяткодатели, в отличие от не дававших взятку респондентов, реже выражают уверенность в наличии у руководства региона желания и воли эффективно бороться с коррупцией (табл. 3). Одновременно участники коррупционных сделок чаще указывают на то, что региональная власть не хочет и не может эффективно противодействовать коррупции.

Таблица 3. С каким из приведенных суждений о борьбе с коррупцией в регионе Вы согласны?
Table 3. Which of the above statements about the fight against corruption in the region do you agree with?

Вариант ответа	Количество ответивших, %	
	Не давал взятку	Давал взятку
Руководство нашего региона хочет и может эффективно бороться	26,4	5,9
Руководство нашего региона хочет, но не может эффективно бороться	15,9	15,3
Руководство нашего региона может, но не хочет эффективно бороться	18,8	27,1
Руководство нашего региона не хочет и не может эффективно бороться	17,5	43,5
Затрудняюсь ответить	21,3	8,2

К обсуждению предлагаются следующие специфические черты личности взяткодателя региона, определившиеся в результате исследования:

– взяткодатель – это представитель молодежи или среднего возраста, проживающий преимущественно в городской местности. Возраст наивысшей экономической и социальной лабильности в данном случае выступает фактором, потенциально способствующим повышенной коррупционной активности;

– наибольшее число коррупционных сделок взяткодатель совершает в среднесрочной перспективе (от 10 дней до года назад). Регулярная коррупционная активность (в течение недели) свойственна менее 5 % взяткодателей, эпизодическая (больше года назад) – примерно пятой части;

– наиболее высокая доля совершаемых регулярных и нерегулярных коррупционных сделок отмечается в здравоохранении, образовании и при урегулировании ситуаций с ГИБДД, что связано с особой востребованностью и социальной значимостью оказываемых в данных сферах услуг;

– каждая вторая взятка составляет сумму от 3 до 5 тыс. р., своеобразный региональный коррупционный стандарт, с помощью которого возможно решение большей части возникающих вопросов незначительного повседневного характера. Достаточно низкий размер средней суммы взятки является следствием негативной социально-экономической ситуации в регионе, формирующей определенный баланс спроса и предложения на рынке коррупционных услуг;

– взяткодатель в большинстве случаев сам инициирует коррупционную ситуацию, вследствие наличия подобного опыта или из-за сложившегося порядка вещей. Преимущественное выступление взяткодателя в качестве инициатора взятки говорит об обыденном восприятии данной негативной практики в социуме, об утрате общественным сознанием иммунитета к криминальной деятельности [16]. Вследствие морально-этического разложения современного общества [17, с. 89] взятка начинает восприниматься не только «нормальным» инструментом решения большого числа повседневных проблемных вопросов, сколько практическим способом восстановления справедливости в обществе [18, с. 55]. Сложившийся порядок вещей Э. Дюркгейм называет социальной аномией (социальной дезорганизацией), когда никто не знает в точности, что возможно и что невозможно, что справедливо и что несправедливо; нельзя указать границы между законными и чрезмерными требованиями и надеждами [19, с. 268]. В указанной парадигме коррупционное поведение, выступая девиацией, находит оправдание и объяснение у значительной части общества. Последнее становится серьезным фактором угрозы, фактически легализующим в представлениях населения коррупционные действия;

– наиболее значимыми результатами взятки выступают ускорение решения проблемы и минимизация трудностей. Последнее позволяет в духе неоклассического подхода (коррупционные отношения как выбор рациональных агентов [20, с. 210]) характеризовать дачу взятки как рациональный способ оптимизации издержек в реалиях сверхбюрократизированного государства;

– у взяткодателей (по сравнению с респондентами, не дававшими взяток) прослеживается достаточно выраженный негативизм при оценке коррумпированности уровней власти и эффективности борьбы с коррупцией. Факт обладания коррупционным опытом оказывает мультилирующее воздействие на убежденность взяткодателей в перманентной коррумпированности органов власти и организаций. Эффект влияния факта участия в коррупционных сделках на мнение респондентов по самому широкому кругу вопросов отмечался и рядом других исследователей [4, с. 175];

– по мнению взяткодателей, наиболее высокий уровень коррумпированности у правоохранительных органов, ГИБДД и СМИ, наименее – у правозащитных организаций и

организаций по охране природы. Результаты опроса не позволяют считать суждения респондентов о коррумпированности указанных структур основанными на их повседневном опыте, что подтверждается и на примере других исследований [21, с. 25]. В связи с этим можно говорить о том, что у взяткодателей более четко выражены стереотипные представления всего социума о нечестности (коррумпированности) правоохранительной системы государства, СМИ и о честности (некоррумпированности) правозащитных организаций и организаций по охране природы.

Заключение. Участие в коррупционных сделках накладывает на личность взяткодателя выраженный в той или иной степени отпечаток, заключающийся в деформации практик взаимоотношения с представителями государственных органов, постепенной утрате иммунитета к криминальной или полукриминальной деятельности, частичной деградации социально значимых морально-нравственных ценностей, превращении коррупционных практик из социальной аномии в социальную норму [22, с. 11].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Китова Д. А., Журавлев А. Л., Соснин В. А., Юрьевич А. В. Коррупция как объект социально-психологических исследований: состояние и перспективы // Институт психологии РАН. Социальная и экономическая психология. 2017. Т. 2, № 3 (7). С. 7–38.
2. Глинкина С. П. Коррупция: фатальная угроза? // Неэкономические грани экономики: непознанное взаимовлияние / под ред. О. Т. Богомолова. М.: Ин-т экономических стратегий, 2010. С. 427–455.
3. Пустовит Р. В. Виды коррупции // Вестн. Омск. ун-та. Серия «Право». 2017. № 1 (50). С. 204–205.
4. Киселев И. Ю., Зуева С. В. Восприятие россиянами коррупции как социальной проблемы // Власть. 2018. Т. 26, № 8. С. 169–182. DOI: <https://doi.org/10.31171/vlast.v26i8.6063>.
5. Кашкаров А. А. Виктимная амбивалентность на примере взяточничества // Виктимология. 2017. № 2 (12). С. 35–38.
6. Можина О. Ю. Взяткодатель как субъект коррупционного процесса // Актуальные вопросы современной науки. 2016. № 2 (10). С. 65–68.
7. Шарапов Р. Д., Комаров В. Б. Получение взятки за способствование действиям (бездействию) в пользу взяткодателя: объект воздействия взяточополучателя // Вестн. Санкт-Петербургской юридической академии. 2020. № 1 (46). С. 107–111.
8. Сидоренко Э. Л. Полифакторный индекс коррупции в регионах РФ: методика оценки // Актуальные проблемы экономики и права. 2016. № 3. С. 207–215. DOI: 10.21202/1993-047X.10.2016.3.207-215.
9. Кирпичников А. И. Российская коррупция. СПб.: Юридический центр Пресс, 2004.
10. Дюркгейм Э. Норма и патология // Социология преступности. Современные буржуазные теории: сб. ст. / пер. с англ. А. С. Никифорова, А. М. Яковлева. М.: Прогресс, 1966. С. 39–44.
11. Шедий М. В. Основные теоретические подходы исследования коррупции // Среднерусский вестн. общественных наук. 2011. № 2. С. 72–82.
12. Афаунов А. З. Молодежь и проблема коррупции в современном российском обществе: социологический анализ // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2016. № 4. С. 15–18.
13. Макеев Я. А. Институциональные особенности коррупции в местном сообществе: автореф. дис. ... канд. социол. наук / СКФУ. Ставрополь, 2013.
14. Коррупция в Республике Мордовия: восприятие населением и отражение в СМИ: бюллетень / под ред. И. М. Фадеевой. Саранск: Изд-во Морд. гос. ун-та, 2019.

15. Куприянов И. С. Коррупционные практики населения региона: гендерный аспект // Женщина в российском обществе. 2010. № 3. С. 36–46.
16. Кириллов С. И. Проблемы личности преступника и социальной структуры общества // Вестн. факультета управления и права коломенского института (филиала) ФГБОУ ВПО Московский гос. машиностроительный ун-т (МАМИ). 2014. № 9. С. 73–77.
17. Тавокин Е. П. Российский коррупционер в социологическом измерении // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2014. № 2 (120). С. 87–95. DOI: 10.14515/monitoring.2014.1.08.
18. Никифорова О. А. Восприятие населением уровня коррупции в профессиональных сферах // Вестн. Санкт-Петербург. ун-та. Социология. 2019. Т. 12, вып. 1. С. 51–66. DOI: <https://doi.org/10.21638/spbu12.2019.104>.
19. Дюркгейм Э. Самоубийство / пер. с фр. А. Н. Ильинского. М.: АСТ, 2018.
20. Дятлова Н. К., Цадер Я. А. Коррупция как институт коммуникации в модели принципал-агент // Вестн. Кемеровского гос. ун-та. 2015. Т. 5, № 2 (62). С. 209–213.
21. Роуз Р., Мишлер У. Коррупция, ее оценка и участие в ней: пример России // Вестн. общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии. 2009. № 3 (101). С. 22–33.
22. Шедий М. В. Коррупция и население: проблема понимания и оценки степени распространенности в российском обществе // Среднерусский вестн. общественных наук. 2016. Т. 11, № 2. С. 10–20. DOI: 10.12737/19373.

Информация об авторах.

Агисhev Руслан Ряфатевич – кандидат исторических наук (2006), ведущий научный сотрудник Научного центра социально-экономического мониторинга, ул. Б. Хмельницкого, д. 39 А, г. Саранск, 430005, Россия. Автор 64 научных публикаций. Сфера научных интересов: социология религии, политическая социология, социология коррупции. ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-0179-8336>. E-mail: agishev2019@gmail.com

Баринова Ольга Николаевна – старший научный сотрудник Научного центра социально-экономического мониторинга, ул. Б. Хмельницкого, д. 39 А, г. Саранск, 430005, Россия. Автор 24 научных публикаций. Сфера научных интересов: социология коммуникаций, цифровое общество, информационная открытость органов власти. ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-3527-455X>. E-mail: bolgarri@mail.ru

Манаева Ирина Владимировна – научный сотрудник Научного центра социально-экономического мониторинга, ул. Б. Хмельницкого, д. 39 А, г. Саранск, 430005, Россия. Автор 17 научных публикаций. Сфера научных интересов: социальные факторы коррупционного поведения, информационная открытость органов власти. ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-4530-9699>. E-mail: manaeva.i.v@mail.ru

REFERENCES

1. Kitova, D.A., Jouravlev, A.L., Sosnin, V.A. and Yurevich A.V. (2017), "Corruption as the phenomenon of socio-psychological research: its status and prospects of development", *Institute of psychology Russian Academy of Sciences Social and economic psychology*, vol. 2, no. 3 (7), pp. 7–38.
2. Glinkina, S.P. (2010), Corruption: A Fatal Threat?, *Neekonomicheskie grani ekonomiki: nepoznannoe vzaimovliyanie* [Non-Economic Facets of the Economy: the Unknown Interference], in Bogomolov, O.T. (ed.), *Institut ekonomiceskikh strategii*, Moscow, RUS, pp. 427–455.
3. Pustovit, R.V. (2017), "Types of corruption", *HERALD OF OMSK UNIV. Series «LAW»*, no. 1 (50), pp. 204–205.

4. Kiselev, I.Y. and Zueva, S.V. (2018), "The Perception of Corruption by the Russians as the Social Problem", *Vlast' (The Authority)*, vol. 26, no 8, pp. 169–182. DOI: <https://doi.org/10.31171/vlast.v26i8.6063>.
5. Kashkarov, A.A. (2017), "Virtual ambivalence, by the example of bribery", *VICTIMOLOGY*, no. 2 (12), pp. 35–38.
6. Mozhina, O.Yu. (2016), "Bribe giver as a subject of the corruption process", *Aktual'nye voprosy sovremennoi nauki*, no. 2 (10), pp. 65–68.
7. Sharapov, R.D. and Komarov, V.B. (2020), "Acceptance of a bribe for assisting actions (inaction) in favor of a bribegiver: the object of influence of the bribetaker", *Vestnik of Saint Petersburg Juridical Academy*, no. 1 (46), pp. 107–111.
8. Sidorenko, E.L. (2016), "Polyfactorial corruption index in the Russian regions: methodology of estimation", *Actual Problems of Economics and Law*, no. 3, pp. 207–215. DOI: 10.21202/1993-047X.10.2016.3.207-215.
9. Kirpichnikov, A.I. (2004), *Rossiiskaya korruptsiya* [Russian corruption], Yuridicheskii tsentr Press, SPb., RUS.
10. Durkheim, E. (1966), "Norm and pathology", *Sotsiologiya prestupnosti. Sovremennye burzhuaaznye teorii* [Sociology of crime. Modern bourgeois theories], Transl. by Nikiforov, A.S. and Yakovlev, A.M., Progress, Moscow, USSR, pp. 39–44.
11. Shedi, M.V. (2011), "Basic theoretical approaches to the study of corruption", *Central Russian J. of Social Sciences*, no. 2, pp. 72–82.
12. Afanov, A.Z. (2016), "Youth and the problem of corruption in modern Russian society: sociological analysis", *Humanities, Social-economic and Social Sciences*, no. 4, pp. 15–18.
13. Makeev, Ya.A. (2013), "Institutional features of corruption in the local community", Abstract of Can. Sci. (Sociology) dissertation, NCFU, Stavropol', RUS.
14. *Korruptsiya v Respublike Mordoviya: vospriyatiye naseleniem i otrazhenie v SMI: byulleten'* [Corruption in the Republic of Mordovia: public perception and reflection in the media: bulletin] (2019), in Fadeeva, I.M. (ed), Izd-vo Mord. gos. un-ta, Saransk, RUS.
15. Kupriyanov, I.S. (2010), "Corrupt practices of the population of the region: gender aspect", *Woman in Russian Society*, no. 3, pp. 36–46.
16. Kirillov, S.I. (2014), "Problems of a criminal personality and the social structure of society" // *BULLETIN OF THE KOLOMNA INSTITUTE (BRANCH) OF THE MOSCOW POLYTECHNIC UNIV. SERIES: SOCIAL SCIENCES AND HUMANITIES*, no. 9, pp. 73–77.
17. Tavokin, E.P. (2014), "RUSSIAN CORRUPTIONIST: SOCIOLOGICAL DIMENSION", *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*, no. 2 (120), pp. 87–95. DOI: 10.14515/monitoring.2014.1.08.
18. Nikiforova, O.A. (2019), "Public perception of corruption level in professional spheres", *Vestnik of Saint Petersburg Univ. Sociology*, vol. 12, iss. 1, pp. 51–66. DOI: <https://doi.org/10.21638/spbu12.2019.104>.
19. Durkheim, E. (2018), *Le Suicide*, Transl. by A. N. Il'inskii, AST, Moscow, RUS.
20. Dyatlova, N.K. and Tsader, Ya.A. (2015), "Corruption as an institute of communication in the 'principal – agent' model", *Bulletin of Kemerovo State Univ.*, vol. 5, no. 2 (62), pp. 209–213.
21. Rose, R. and Mishler, W. (2009), "Corruption as Perceived and Experienced: Russia as a Test Case", *The Russian Public Opinion Herald. Data. Analysis. Discussions*, no. 3 (101), pp. 22–33.
22. Shedi, M.V. (2016), "Corruption and population: the problem of understanding and evaluating the degree of distribution in the Russian society", *Central Russian J. of Social Sciences*, vol. 11, iss. 2, pp. 10–20. DOI: 10.12737/19373.

Information about the authors.

Ruslan R. Agishev – Can. Sci. (History) (2006), Leading Researcher, Scientific Center for Socio-Economic Monitoring, 39A B. Khmel'nitskogo str., Saransk 430005, Russia. The author of 64 scientific publications. Area of expertise: sociology of religion, political sociology, sociology of corruption. ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-0179-8336>. E-mail: agishev2019@gmail.com

Olga N. Barinova – Senior Research Officer, Scientific Center for Socio-Economic Monitoring, 39A B. Khmel'nitskogo str., Saransk 430005, Russia. The author of 24 scientific publications. Area of expertise: sociology of communications, digital society, information transparency of authorities. ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-3527-455X>. E-mail: bolgarri@mail.ru

Irina V. Manaeva – Research Officer, Scientific Center for Socio-Economic Monitoring, 39A B. Khmel'nitskogo str., Saransk 430005, Russia. The author of 17 scientific publications. Area of expertise: social factors of corrupt behavior, information transparency of authorities. ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-4530-9699>. E-mail: manaeva.i.v@mail.ru